

Хайвонлар орасида шоҳ рамзини арслон, кушлар орасида эса бургут тимсоллаб келади. Туркий халқлар лингвомаданиятида бургут ҳукумдорлик ва куч-қудрат рамзи бўлган. У айрим сулолалар учун тотем жонивор ҳисобланган. Бургут Эронда семурғни, Арабистонда роҳини, Ҳиндистонда гарудага муқояса этилади.

Шарқ лингвомаданиятидаги ўрдак, турна, қалдирғоч, лайлак каби кушлар бахт, бойлик, фаровонлик ва оила рамзи сифатида қадрланади. Аксинча, бойқуш ва қарға сингари кушларга ёвузлик ва ёмонлик рамзи, ёмон хабар элчиси сифатида қаралади. Айрим куш тимсолларида эса эркак-аёл зиддияти намоён бўлади. Жумладан, ғоз ва хўроз эркаклик, қаптар ва товуқ аёллик рамзи сифатида талқин қилинади.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ 「孤独」 «ОДИНОЧЕСТВО» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ ХАРУКИ МУРАКАМИ 「ノルウェイの森」 «НОРВЕЖСКИЙ ЛЕС»

АМАНУЛЛАЕВА КАМОЛА

Базовый докторант, СамГИИЯ

Аннотация. В данной статье анализируются варианты репрезентации художественного концепта «одиночество», его связь с концептом «пустота» в дискурсе романа Харуки Мураками «Норвежский лес» и в микроситуациях. Данные концепты выделяются на основе критериев аксиологического приоритета и сюжетопостроения романа, и находят яркое проявление в авторских образах.

Опорные слова и выражения: индивидуальная концептосфера, художественный концепт, «одиночество», «пустота», художественный текст, дискурс.

Аннотация. Ушбу мақолада япон адиби Харуки Муракамнинг “Норвег ўрмони” романида “ёлғизлик” концептининг бадиий талқини ва унинг “бўшлиқ” концепти билан узвий bogliqligi дискурсида ва микро ҳолатларда таҳлил қилинган. Мазкур концептлар романнинг сюжет тузилиши ва аксиологик устуворлиги асосида ажратиб олинган ҳамда образларда ёрқин ифодасини топган.

Таянч сўз ва иборалар: индивид концептосфера, бадиий концепт, “ёлғизлик”, “бўшлиқ”, бадиий матн, дискурс.

Abstract. This article analyzes the options of representation of artistic concept “loneliness/lonely” and its association with the concept of “emptiness” in the discourse and micro situations of the novel “Norwegian Wood” by Haruki Murakami. These concepts are allocated on the basis of construction criteria and axiological priority of the novel.

Keywords and expressions: individual concept, literary concept, “loneliness/lonely”, “emptiness”, literary context, discourses.

Харуки Мураками – писатель, крайне редко раскрывающий свои творческие тайны, но подчёркивающий состояние как своего одиночества, так и «одиночество» своих ге-

роев. Роман 「ノルウェイの森」 «Норвежский лес», опубликованный в 1987 году, принадлежит ко второму периоду его творчества, когда, по мнению критики, закре-

пилаась структура произведений Харуки Мураками, определился тип героя-одиночки, стали знаковыми художественные концепты:

「孤独」 «Одиночество», 「井戸—空白、空隙」 «Колодец-пустота», 「心身」 «Синшин» и 「心」 «Кокоро». Следует подчеркнуть, что Харуки Мураками в первую очередь себя именует «одиноким». В книге 「走ることについて語るときに僕の語ること」 «О чем я говорю, когда говорю о беге» писатель пишет, что 「私はスポーツをチームに...素因、このいずれかを」 «lonery player» 「行うことができます...私は自分自身を呼び出すことが幸せになる」¹ – «Я могу это делать один... не предрасположен к командным видам спорта... Я был бы рад назвать себя «lonery player»². Герой романа «Норвежский лес» будто повторяет эти слова: «Мне с детства неинтересно играть в компании». В немногочисленных интервью писатель признается в своей близости к героям: «Этот персонаж-одиночка в моих романах – как будто один из двух братьев-близнецов, живущих внутри меня, которых разлучили в двухлетнем возрасте и они потеряли друг-друга. Между ним и мной есть немало похожего, но отличий все же больше. Мои романы – это долгие путешествия в поисках такой вот своей отколовшейся и утерянной половины». Роланд Кельтс, говоря писателю: «Одиночество – созерцания возможностей в Мире, который к ним слеп – центральная тема в ваших книгах», получает предсказуемый ответ: «Герои моих книг – очень одинокие люди»³. Эта установка будет решающей для анализа концепта «одиночества» в романах «неяпонского японца», нарушающего все

законы традиционной этики и в то же время следующего ей.

В рамках данной статьи рассматривается концепт «одиночество» как часть индивидуально-авторской художественной картины мира на примере текста романа «Норвежский лес». Такая векторность исследования связана с одним из актуальных направлений современной лингвистики, которое можно условно обозначить как «концептуальный анализ и картина мира» (Ю. Д. Апресян, Ю. С. Степанов, А. П. Бабушкин, Н. Д. Арутюнова, И. П. Михальчук, Г. Д. Слышкин). Принцип подобного исследования основан на концептуальном анализе и ориентирован на изучение способов репрезентации языковой картины мира в художественном тексте.

В рамках данной статьи не представляется возможным обращаться и расшифровывать многочисленное толкование самого понятия «концепт». Стоит подчеркнуть в этой связи только «зонтичные составляющие» термина: «Ассоциативная структура лингвокультурного концепта включает интразону – совокупность ассоциативных входов в концепт, и экстразону – совокупность ассоциативных выходов из концепта»⁴.

Поскольку творческое мышление писателя предполагает эстетическую концептуализацию мира, считаем, что именно в романе «Норвежский лес» определились образные составляющие концепта «одиночества» – «пустота», «душа», «потусторонний мир». Все они являются универсальными понятиями и имеют особое наполнение, что делает их этноконцептами японской культуры. Творчество Харуки Мураками до сих пор вызывает споры критики по поводу «его места в литературе Японии». Установка на значимое одиночество, подчеркнутый выбор «собственного пути» реализованы в выборе жанровой «природы» его

¹ 村上春樹「走ることについて語るときに僕の語ること」. – Japan, 2007.

² Харуки Мураками. О чем я говорю, когда говорю о беге. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 18.

³ Роланд Кельтс. Интервью Х. Мураками журналу «Обзор современной прозы». – Нью-Йорк, декабрь 2003. пер. с англ. яз. Элины Богдановой. – <http://interview3.html>

⁴ Слышкин Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа//«Жанры речи». вып.4 – Саратов: Колледж, 2005. – С. 34–49.

произведений. Одни критики приписывают романам Харуки Мураками принадлежность к традиционным японским повествовательным жанрам, а другие, столь же категорично обвиняют писателя в «абсолютной западности». Сам Харуки Мураками подчеркивает принципиальную собственную позицию «одинокки» – не принадлежать никаким литературным группировкам и направлениям. Понятно, что Харуки Мураками не перестает быть японцем даже читая лекции в американском университете, его ментальность не может быть изменена даже пристрастием к джазу. Вот это «между» проявляется в его творчестве, не заполняя «пустоту», не видоизменяя его героев-одиночек, потому что важнее всего не однозначность, а недосказанность. Здесь следует вспомнить о таких чертах японской культуры, как «曖昧» (あいまい) – двусмысленность и неопределённость, «幽玄» (ゆうげん) – прелесть недоговоренного. Считаю, что писатель как будто признает принципы этих элементов в своих романах: «Прелесть хорошей книги и состоит в том, чтобы читатель мог использовать свое воображение, как ему хочется»¹. Д. Коваленин – переводчик романов Харуки Мураками, в своей книге «Суси-нуар» дает множество толкований того «промежуточного» жанра, в котором написаны произведения писателя и пограничных миров, в которых пребывают герои-одиночки и признания самого автора: «Одно из главных моих удовольствий – писать и в процессе узнавать, что случилось дальше». В качестве доказательства можно процитировать еще подобное признание: «Если бы я заранее знал, о чем я буду писать, то это было бы очень скучно. Образы людей и факты их жизни приходят ко мне произвольно. Я не выдумываю все это сам»². Этот принцип как бы соотносится с традиционным «随筆» (ずいひつ), что буквально означает «следовать за кистью».

¹ Коваленин Д. Сусинуар. Занимательное Муракамоедение. – М., 2011. – С. 88.

² Там же. – С. 88–128.

Все романы Харуки Мураками созданы в форме «от первого лица», когда в повествовании отчетливы «индивидуальная оптика и проявляется модальность рассказчика». Известно, что традиционная японская проза имеет жанр «私小説» (ししょうせつ) – дневник, «роман о себе». Формально, учитывая признания в близости героев и автора, критика была права, но Харуки Мураками подчеркивает: «Мои истории очень сильно отличались от *сисёсэцу*». С одной стороны, концепт «одинокчество» является традиционным для японской эстетики и искусства. Достаточно указать на признания Басё «Внести свое одинокчество в повседневность – вот настоящее искусство», но с другой – все этнографы «извне» подчеркивают «коллективизм» как основную черту японской ментальности. Харуки Мураками декларирует, что он – «между», что он придает новые оттенки пониманию традиционных эстетических терминов. Д. Каваленин, рассуждая о специфике «раздвоенного сознания» героев Харуки Мураками, пишет: «Занятно устроено японское слово «Человек». Звучит оно так: «人間» (にんげん) и состоит из двух иероглифов: 人 (знак человека) и 間 (между). «Меж людей» – в общем. Но из чего состоит это «между»? Да это же «МА» – ключевое понятие эстетики «ваби» (неброская красота, доступная человеку, успокоившему свое сознание)».

Представляется, что «герои-одиночки» этого писателя и демонстрируют своими судьбами эту традиционную графику, усиливая элемент «между». Структура произведения, в котором отчетлива череда самоубийств героев, их психические отклонения, разделение пространств миров (Токио и психиатрическая клиника) так же подтверждает ощущение «между» – пограничное состояние, а не стабильность.

Роман «Норвежский лес» (ノルウェイの森) начинается с определенной минорной тональности, которую настраивают ассоциа-

ции от мелодии песни в салоне самолета песни «Norwegian Wood». Герой признается стюардессе: «I only felt lonely, you know»¹. Концепт «одиночество» развивается в структуре романа в разных плоскостях, является ключевым для судеб всех персонажей. Главный герой романа вспоминает историю 20 летней давности, когда он, Ватанабэ, студент университета, жил в общежитии и любил Наоко. «Самохарактеристика» героя дается автором достаточно странной для молодого парня: «Да, я любил в одиночестве почитать или послушать музыку»². Причем, это занятие «молча глотать книги в одиночестве» доставляет удовольствие и одновременно указывает на высокие интеллектуальные претензии героя: «Вокруг не было никого, кто прочитал бы его» (роман Фиджеральда «Великий Гэтсби» – К.А.). Но если чтение предполагает одиночество, то поведенческий рисунок Ватанабэ также создается Харуки Мураками в этом ключе: «В аудитории я сидел один на крайнее место... ни с кем не общаясь. В одиночестве обедал»³. Такое поведение интригует однокурсницу Мидори, единственную активную героиню этого романа, которая спрашивает: «Любишь одиночество? В одиночестве путешествуешь, в одиночку ешь...»⁴. Система персонажей в романе «Норвежский лес» соответствует, очевидно, замыслу Харуки Мураками показать обреченность каждого из персонажей на одиночество. Мистическую судьбу Наоко, которая закончит жизнь самоубийством в психиатрической клиники, автор переплетает еще с одним самоубийцей, также другом Ванатабэ – Кидзуки. Мидори, внешне казалось, единственный персонаж, живущий не в призрачном, но реальном мире. Но в исповеди Ванатабэ она признается, что ощущала себя изгоем (что синонимично «одиночеству») в элитной школе:

«Я ее ненавидела до смерти... из ста шестидесяти учениц только я жила в районе Тосима»⁵. Все молодые героини «Норвежского леса» как то далеки от семьи, хотя являются единственным ребенком, лишены традиционного родительского тепла и заботы. Даже если Мидори, в качестве исключения, имея сестру, все равно заявляет: «Если бы они – родители любили бы меня чуточку сильнее... Хотя бы раз насытиться родительской любовью...»⁶. Подобное чувство является одной из граней концепта «одиночество». В романах Харуки Мураками всегда есть ретроспекция, дорогие для героя памятные воспоминания. Примечательно, что автор подчеркивает, что эти ситуации происходят даже в особом безлюдном месте. К примеру, «романтическое» свидание с Наоко проходит под ее неторопливый рассказ о «полевом колодце», куда проваливаются одинокие путники. Даже в многолюдной толпе, героини погружены в свой особый мир: «А вписывался ли я хоть в какой-нибудь пейзаж за последние несколько лет?» Так, в романе возникает особое пространство, в котором героини-одиночки ощущают себя комфортно. Наоко пишет письма из клиники «Амирё», затерянной в горах, и ей кажется, что «настоящий мир – именно здесь». Харуки Мураками реализует вокруг концепта «одиночество», как вокруг основного ядра, множества сопутствующих ему понятий-концептов. Тем самым иллюстрируются основные свойства данного термина. Это – концепты «душа», «сердце» «пустота», что соответствует японской национальной концептосфере. П. М. Решетникова в статье «Организация пространства в японской культуре: концепты и модели» пишет: «Пустота является ключевой категорией для понимания произведений японских писателей, зоной смыслообразования, так как являет собой некое незаполненное художественное пространство, в которое каждый может вписывать любое значение. Концепт «пустота», на наш

¹ 村上春樹。ノルウェイの森 Харуки Мураками. Норвежский лес. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 10.

² Там же. – С. 35.

³ Там же. – С. 61.

⁴ Там же. – С. 74.

⁵ Там же. – С. 84–85.

⁶ Там же. – С. 104.

взгляд, реализуется в различных текстовых категориях прозы японских авторов: композиции, стиле, персонажной и образной системе»¹. Если позволить себе продолжить рассуждения Решетниковой П. М. применительно к роману «Норвежский лес», то можно увидеть реализацию концепта «пустоты» в стилевых доминантах, которые обозначим как недоговоренности, мистику, чередой самоубийств (Кадзуки, сестра Наоко, сама Наоко, их дядя), в умолчаниях героя-повествователя. Концепт «пустота» заполняется порой музыкой («Брамс на бескрайной, безлюдной поляне – это было нечто»). Так же концепт «Пустоты» определяет структуру произведений Харуки Мураками. Во-первых, в композиционном отношении все его романы, и «Норвежский лес» в том числе, имеют открытый финал, не имеющий конкретного авторского «слова». Ощущение недосказанности – есть еще одна стилевая доминанта романов Харуки Мураками. По замечанию К. Родченковой: «...Одна из привлекательных, но также шокирующих черт произведений Мураками заключается в том, что в конце большинства его произведений читателя не покидает ощущение того, что там – внутри закрытой книги, герои продолжают жить»². Такая незавершенность создает эффект пустоты, которая выступает как один из полноценных образов-персонажей романа. Понятие «пустоты» необходимо для обрамления формирования темы одиночества, которая объясняет избранность Ватанабэ и Наоко. Лечебница «Амире» – это далекий затерянный мир («не было ничего: ни домов, ни полей»), нереальность и странность домов клиники выражена метафорически: «Будто смотришь на картину, где художник попытался изобразить приятную нереальность... Соберись Дисней снять

мультфильм по картинам Мунка». Подобная аналогия имеет глубочайший подтекст – соединить детские позитивные изображения Диснея с бредовыми картинами экспрессиониста Э. Мунка. В этом есть установка на внешнее благополучие и внутреннюю трагедию всех обитателей лечебницы. Таким образом, пространство имеет определенную тональность, соединяя два концепта воедино. Нормальный герой ощущает дискомфорт: «Окрестности по-прежнему оставались безлюдны и бесшумны. Казалось, что я один живу среди ухоженных развалин»³. Подчеркну, что в такое место Ватанабэ берет читать книгу Т. Манна «Волшебная гора», по тональности ничем не отличающую от назначения клиники «Амире». Именно повествование во время пребывания Ватанабэ в клинике насыщено концептами, сопровождающими в романе концепт «одиночество» – «сердце» и «душа».

Харуки Мураками придает огромное значение в романе посещению клиники, этот эпизод разделяет повествование на три части. В первой упоминания этих концептов встречались в тексте только дважды: 1) Харуки Мураками подчеркивает реакцию героя на самоубийство Кидзуки как потерю Ватанабэ своего «места в окружающем мире», а невозможность любви формулирует метафорически: «сердце прячется в твердой скорлупе». 2) Характеристика Нагасавы заключается так же в подобной аналогии: «его сердце одиноко билось в конвульсиях на дне мрачного болота»⁴. Зато страницы романа, которые создают пребывания в клинике Ватанабэ, буквально насыщены словами «сердце» и «душа», как будто только в этом затерянном мире они проявляют свою истинную суть. Удивительная героиня Рэйко, которая является в какой-то мере соединитель-

¹ Решетникова П. А. Организация пространства в японской культуре: концепты и модели // Известия Уральского государственного университета // 2007, № 49. – С. 269–278.

² Родченкова К. Загадочный мир Харуки Мураками // «Проблемы Дальнего Востока». 2003, №5. – С. 166–172.

³ 村上春樹ノルウェイの森 Харуки Мураками. Норвежский лес. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 138.

⁴ 村上春樹ノルウェイの森 Харуки Мураками. Норвежский лес. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 48.

ной нитью между Ванатабэ и Наоко, откровенно желает «открыть душу», «вкладывая в мелодию всю душу». Наоко также просит сыграть «от сердца», в ее «сердце память о Кадзуки». И Ватанабэ суммирует, что потертый мир – «последний язычок пламени на пепелище души». В интервью «Я не хочу ничему принадлежать» Харуки Мураками обсуждает тонкости перевода этих концептов на русский язык: японское 「心」 «коко-ро» обязательно включает и теплоту. То, что связывает память с человеческой теплотой. Где-то ближе к *tenderness*, что ли... Немножко от *mind*, немножко от *soul* – и в то же время чувствуешь, как бьется живое сердце»¹. Таким образом, Харуки Мураками подчеркивает нерасторжимую взаимосвязь этих концептов. В третьей части повествования (после смерти Наоко) начинается второе путешествие Ванатабэ: «...я оказался на песчаном побережье в одиночестве... Я одиношеник слышал шум прибоя»². Автор как бы убирает всю откровенность, всю интимность атмосферы, которая царит в клинике, возвращая героя в привычный мир. Важно, что на тональность третьей части наложены воспоминания только о мертвых героев, то есть вновь у Ванатабэ ощущение «между» мирами. Харуки Мураками как бы создает код для понимания и названия романа – это и любимая песня и скорбные ассоциации: «Она повесилась в глубине мрачного, как собственное сердце, леса»³. Концепт «сердце» реализован и в грустной мелодии «Dear Heart», которую исполняет Рэйко. Но концепт «пустота» – есть завершение романа «Норвежский лес». Харуки Мураками оставляет своего героя не просто

на перепутье, а в своеобразной изолированной «капсуле» среди реального мира. Поэтому знаковыми являются последние строчки романа: «Где я сейчас? ..И только я продолжаю вызывать к Мидори из самой сердцевины ниоткуда»⁴.

Роман «Норвежский лес» демонстрирует образное наполнение концептов, вариантность контекста, в которых они употребляются, происходит характеристика персонажей при помощи комплекса этих концептов. Индивидуальная концептосфера романа Харуки Мураками «Норвежский лес» подчеркивает, что, невзирая на то, что герои слушают «западную музыку» и читают Т. Манна и С. Фиджеральда, они остаются японцами. С. А. Боева в диссертации «Творчество Харуки Мураками в условиях глобализации межкультурной коммуникации» пишет: «Своими литературными трудами Х. Мураками, с одной стороны, приобщает японского читателя к культурам других стран, и с другой – представляет западному миру восточный менталитет в контексте японской культуры конца XX в»⁵. А образное наполнение концептов «одиночество», «пустота», «сердце» помогает создать индивидуальную концептосферу творчества Харуки Мураками.

¹ Харуки Мураками. Я не хочу ничему принадлежать. 20 августа 2002 г. Офис Х. Мураками. – Аояма, Токио <http://interview3.html>

² 村上春樹ノルウェイの森 Харуки Мураками. Норвежский лес. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 340.

³ Там же. – С. 344.

⁴ Там же. – С. 364.

⁵ Боева С. А. Творчество Харуки Мураками в условиях глобализации межкультурной коммуникации. – Владивосток, 2009.